

ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ: ЗАВЕРШЕНИЕ ИЛИ КРИЗИС МОДЕРНИСТСКОГО ПРОЕКТА?

И.А. Скалабан

Новосибирский государственный
технический университет

skalaban@ngs.ru

Общественное участие за последние полтора десятилетия приобрело новые характеристики. Цель статьи разобраться, свидетельствуют ли они о новом этапе развития общественного участия как качественно нового проекта за пределами эпохи модерна или о кризисных проявлениях незавершенного проекта эпохи модерна. Опираясь на идеи Ю. Хабермаса, в статье выделяются и характеризуются основные признаки общественного проекта. На основе анализа периода 1970–1990-х гг. – последнего западного проекта общественного участия эпохи модерна, описывается динамика изменения его программы, дискурсов и социальных практик. Отмечается его органическая связь с традицией модерна. В статье доказывается, что тенденции развития общественного участия конца 1990–2000-х свидетельствуют о кризисе как программы, так и всего проекта участия эпохи модерна. Попытки переосмысления концепции общественного участия западными исследователями на основе теории социального пространства П. Бурдьё рассматриваются автором статьи как подтверждение поиска новых подходов к конструированию программы, соответствующей новым социальным практикам. Вместе с тем отмечается, что поиск идей для новой программы строится вокруг тех же проблем власти и контроля, государственного вмешательства, которые были актуальны для проектов эпохи модерна.

Ключевые слова: общественное участие, гражданское участие, социальное участие, общественный проект, социальное пространство, общественная мобилизация.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-78-87

Возникновение и динамичное изменение новых общественных и политических движений, сформированных по качественно различным основаниям: от приверженности одной религиозной доктрине до приверженности одинаковым совместным досуговым практикам... Появление на публичной сцене и превращение в политическую силу ранее малоизвестных маргинальных групп... Возникновение новых форм социального и политического активизма... Стремительная мобилизация индивидов в сетевые структуры, действующие в онлайн и оффлайн среде, состав которых по социальным или территориальным параметрам еще недавно был просто невозможен....

Широкое распространение новых креативных технологий выражения протеста и решения социально значимых проблем ... Вот только некоторые общие характеристики меняющегося, но уже привычного общественного пространства или пространства возможного участия современного человека.

Что это? Качественный рост разнообразия механизмов участия в ситуации технологических изменений средств коммуникации или нечто большее? Свидетельствует ли оно о кризисе традиционных механизмов политического, гражданского и социального участия, к примеру таких, как участие в политических выбо-

рах, членство в некоммерческих организациях, традиционные формы благотворительности, как не способных полноценно соответствовать общественному запросу, или свидетельствует о неких качественно новых процессах, происходящих в общественной сфере?

Размышляя над скоротечностью изменяющейся реальности, Зигмунд Бауман заметил: «Общества держатся на сети проектов. Мы движемся от одного проекта к другому» [6]. Общественное участие, будучи значимым явлением, оказывающим непосредственное влияние на текущие социальные и политические процессы, испытывает на себе целенаправленное воздействие государственных и общественных структур в виде идеологий, нормативного или организационного регулирования, а потому может рассматриваться как проект. В свою очередь, общественное участие является составной частью и инструментом реализации более крупных общественных проектов, наиболее масштабными и значимыми из которых являются проекты модерна и постмодерна.

По мнению Ю. Хабермаса, формирование и развитие проекта как традиции идет нелинейно [4]. Будучи социальной практикой, общественный проект не ограничивается конкретной сферой, а развивается через дифференциацию и прогрессирующую автономизацию предметной области, институционализацию деятельности по созданию продукта и дискурсов, отождествляемых акторами как современные. Социальная актуальность, устойчивость и масштабы влияния проекта на общественные отношения определяются тем, реализуется ли он в повседневной практике, преодолевая «голый традиционализм» оскудевших жизненных традиций.

Но, пожалуй, ключевой характеристикой общественного проекта является его намеренность, что проявляется в наличии программы, состоящей из набора концепций. Проект допускает интерпретации, а потому разрабатываемые и реализуемые в его рамках концепции могут противоречить друг другу, но при этом являться частью одного проекта или одной традиции. По мнению Ю. Хабермаса, в пределах пространства одного проекта, одной социокультурной традиции, вернее на ее периферии, возможно высвобождение пространств и для других программ, чьи взаимосвязи с основным проектом могут быть трудноуловимы.

Общественное участие возникло и развивалось как органическая часть проекта модерна, но направленный проектный характер приобрело на более позднем его этапе. Будучи основной ценностью и инструментом преобразования общественных отношений в ряде программ XX века, достижение общественного участия само периодически превращалось в проект. Примечательно, что все проекты участия этой эпохи сохраняли родовые характеристики базового проекта модерна, то есть были безусловно рациональны, тесно связывали участие и объединение с феноменом смысла [3, с. 114], западнцентричны, модернистски ориентированы, изменчивы, технологичны.

К примеру, последний проект общественного участия эпохи модерна стал формироваться в развитых западных странах с начала 1970-х гг. и достиг своего развития к середине 1980–1990-х гг. Несмотря на то что в зависимости от культурного и политического контекста проект имел свою специфику, его доминирующим дискурсом стал дискурс социального развития.

В отличие от предыдущего проекта 1960-х, ориентированного на достижение «максимально возможного участия» через расширение гражданских прав, с начала 1970-х программа становилась все более социально ориентированной. Общественное участие рассматривалось как механизм преодоления бедности, социальной депривации и социальной изоляции. При этом разброс концепций, составлявших программу проекта, варьировался от радикалистских концепций «освободительного участия» и «участвующего действия» до неоконсервативных, с их идеями саморегулирования и недоверия масштабным проектам социального строительства.

Ключевым принципом, определившим его вектор, стал принцип ослабления вмешательства государства в общественные структуры и процессы. Программные основания данного проекта стали основанием для экспорта и разнообразных институтов общественного участия за пределы западных стран. Так, впитав в себя на разных этапах ценности и идеи радикализма, либерализма, неоконсерватизма, проект развивался не столько за счет создания прямых механизмов регулирования и стимулирования общественного участия «сверху», через государственные структуры, сколько через создание условий для институционализации общественных структур, практик общественного участия на различных уровнях – от местного до международного. Одновременно успешные с точки зрения западного экспертного сообщества практики, основанные на западных культурных и политических ценностях, целенаправленно продвигались и распространялись в развивающихся и несколько позже в транзитивных странах за счет их интеграции в общенациональные и локальные (сообщес-

ства), государственные и общественные структуры.

Значимым результатом данного проекта стала «глобальная революция ассоциаций» 1990-х, сформировавшая мощнейший в истории третий сектор. В наиболее развитых странах он стал способен даже к заключению социального контракта с правительственными структурами, способен конкурировать на рынках занятости и социальных услуг.

Но на фоне общественной активности с середины 1990-х гг. стали проявляться и признаки кризиса проекта, которые, по сути, оказались обратной стороной его достоинств. Они проявились в разочаровании массовым тиражированием социальных и политических технологий, приобретавших все более универсалистский и технократичный характер; в понижении активности населения в рамках традиционных институтов общественного участия, даже на уровне местных сообществ, что хорошо выразил Р. Патнэм в метафоре о современных американцах, играющих в боулинг в одиночку [14]; в росте удельного веса формализованных структур в общей структуре некоммерческих организаций; в распространении потребительского этоса [8] среди некоммерческих организаций, предоставляющих сервисные услуги населению, и т. д.

Однако ситуация выглядела не столь однозначно. Так, очевидный кризис членства в НКО сопровождался открытием новых пространств для участия [8], чему способствовал опять же рост возможностей к ассоциированию и распространению гражданских общественных структур, особенно среди маргинальных групп.

Налицо были и все признаки нарождающегося кризиса последней програм-

мы эпохи модерна, не способной своим теоретико-методологическим аппаратом предложить должное объяснение данных явлений. Технологизация вовлечения и стимулирования участия, переходящая в технизм при реализации проектов, активное их продвижение без должной концептуализации и теоретического осмысления, бюрократизация общественной деятельности, усиливающаяся с повышением удельного веса формализованных структур, не могли не сказаться и на интерпретации самого феномена общественного участия. Анализ контекста его использования в практико-ориентированных западных работах 1990-х – начала 2000-х демонстрирует его очевидное упрощение и формализацию. Участие рассматривается как синоним совещательной демократии. Оно все чаще ассоциируется с социальным консультированием, обменом информацией, осуществляемым через механизмы создания формальных структур, различных советов, комитетов, главным образом на уровне местных сообществ, с сохранением контекста социального развития, осуществляя подобное участие в управлении «с большим оптимизмом и задором» [13].

Исследователи и практики начали признавать неспособность «теоретически осмыслить потенциальный вклад участия в трансформацию политического процесса» [Там же, с. 159]. Стало накапливаться разочарование результатами.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением кризиса программы стала дискуссия о «тирании участия», инициированная исследователями и практиками, имеющими значительный опыт в области развития и оказавшая существенное влияние на дальнейшую концептуализацию проблематики участия [7, 10, 12]. В том или ином виде на страни-

цах западных научных изданий эта дискуссия продолжается до сих пор [13].

Апеллируя к постструктуралистским интерпретациям власти и контроля М. Фуко, к социальному конструкционизму П. Бурдьё, ряд исследователей и специалистов выступили с резкой критикой существующих практик общественного участия. Они заявляли, что сегодня общественное участие представляет собой скорее модную риторику, манипуляцию транснациональных корпораций, международных и правительственных агентств развитых стран, преследующих свои собственные интересы и насаждающие прозападные ценности, даже при высоких культурных и экологических издержках.

Даже само понятие «участие», с их точки зрения, несет в себе «тиранический потенциал», поскольку расширяет возможности для угнетения бедных и маргинальных групп. Участие населения позволяет экономить на «операционных расходах», сохранять механизм поддержания существующих отношений власти, несмотря на декларации, поддерживать статус-кво в планировании «сверху вниз», что в совокупности и является тиранией участия, сохранение которой имеет и будет иметь вредные последствия для политического и экономического развития. В реальности же участие лишь позволяет укреплять доверие к решениям, которые уже были сделаны агентами преобразований за пределами сообществ, и сейчас требует лишь поддержки в реализации [7].

Представленный выше набор критических замечаний, высказанных в ходе дискуссий, был не самоцелью, а поворотным моментом к новому прочтению общественного участия, попытке осмыслить пространство участия, выйти за границы местного сообщества, преодолеть прагматизм, меха-

нистичность его использования в качестве инструмента для проверки и поддержки политических и социальных инициатив. Этот процесс продолжается до сих пор.

Попробуем выделить основные позиции, по которым происходит переосмысление и, по сути, появление новых концепций и формирование новой программы.

Заметим, что оно идет в условиях универсализации и интернационализации социологического знания [5, с. 45], усиления междисциплинарных исследований, что расширяет возможности для использования широкого спектра подходов к анализу участия, среди которых постструктурализм, критический модернизм, неинституционализм и т. д. Интерпретация общественного участия в мировой социологии сегодня вышла далеко за пределы теорий демократии и гражданского общества, практики участия изучаются с учетом политического, социального, культурного, исторического контекста.

Одна из перспективных концепций, претендующих на то, чтобы стать составной частью новой программы, вышла из современного исследовательского тренда – роста интереса к пространственному анализу текущих общественных явлений, что обусловило интерес исследователей к методологии пространственного анализа П. Бурдьё. Его мысль о том, что не существует пространства, которое не выражало бы иерархии и социальные дистанции в замаскированном виде посредством действия натурализации, вызывающей устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир [1, с. 50], органично соответствует наблюдаемой радикализации оценок части исследователей пространства участия как поля властного взаимодействия [8].

А. Корнвел одной из первых указала на множественность пространств участия, их многомерность, нелинейность развития. И сегодня, по ее мнению, время образования новых пространств, в которых появляются новые акторы и новые дискурсы, часто альтернативные доминирующему, а также новые социальные практики [8].

Потребность в их появлении связана с потребностью в свободных пространствах, не обремененных властными полномочиями. Именно легитимацией свободных пространств сегодня объясняет, к примеру, М. Кесби нежелание маргинальных групп использовать возможности, предоставляемые традиционным общественным участием. Их участие осуществляется в собственном пространстве и дискурсе, а значит, и ограничивается им. Это, с его точки зрения, объясняет, к примеру, проблемы участия части жителей в проектах, осуществляемых для потенциальных участников за пределами их собственного пространства жизни [10].

Пространства участия сегодня все сильнее расширяются, сужаются, смешиваются и дифференцируются, что делает затруднительным использование многих традиционных форм участия, от выборов и членства в партиях до участия в законных забастовках, но делает приемлемым использование новых, часто принципиально отличных политических технологий, таких, к примеру, как «окуппай» и «антиокуппай». Безусловно, сохраняются и даже вновь возникают пространства, закрытые для участия в принятии решений общественностью. Но пространство может быть или «захвачено», или «предоставлено» для участия в принятии решений отдельной группе, к примеру элите,

или группам, способным преобразовывать актуальные общественные потребности в радикалистские лозунги. Наконец, как заметил Дж. Гавента, в пространство участия можно «пригласить». При этом «приглашать» могут различные виды власти или негосударственные некоммерческие организации, лидеры общественных движений, создавая новые формы участия в той социальной среде, где они до этого отсутствовали [9, с. 11].

Появление контуров новой программы характеризуется и постепенной сменой доминирующих дискурсов с социального на более радикальные, более гражданские. Сегодня дискурс социального развития все больше уступает ведущее место смешивающимся и взаимопроникающим дискурсам расширения возможностей, социальной справедливости и гражданства. При этом само понимание возможностей и влияние на них посредством участия сегодня носит постструктуралистский характер. Возможности – это не то, что может быть «достигнуто» отдельными лицами, это не то, что может быть оформлено и закреплено в виде набора нормативных документов. Вернее, не только это. Возможности – это то, что существует и осознается только внутри дискурса в социальных практиках. В этом плане участие представляет собой материал пространства, через которое расширение прав и возможностей осознается и производится или воспроизводится [11]. И его качественные и количественные характеристики напрямую влияют на перспективы этого процесса.

Смешение дискурсов сопровождается и смешением традиционных пространств участия как на уровне социальных практик, так и на уровне их теоретического осмысления, создавая основания для мультипара-

дигмальных подходов. Если еще несколько десятилетий назад в исследовании социального участия дискурс развития дополнял в лучшем случае коммунитаристский дискурс, в исследовании политического, гражданского участия прочно доминировал демократический дискурс, то сегодня дискурсы гражданства, развития, возможностей, справедливости способны связать и смешать все ключевые сферы участия и соответствующие им практики: социальную, гражданскую и политическую. При этом пространства общественного участия все активнее «расширяются» в пространство повседневности. К примеру, вторгаясь все сильнее в соседские и даже семейные отношения, участие «нормирует» их, дает «местные» знания и формирует социальные компетенции, позволяя удовлетворять интересы и потребности. Существенное влияние на этот процесс оказал стремительный рост сетевых сообществ и новых коммуникативных технологий.

Расширение, смешение дискурсов и пространств приводит к их изменению и переописанию практик. Как это происходит сегодня, можно увидеть на примере дискурса «социальное развитие». На границах смешения сообщества и гражданства он приобретает все более политическую окраску. Он все больше связывается исследователями с такими практиками, как борьба за приоритеты и статус территорий, доступ к ресурсам, поддержка и укрепление голосов социально депривированных групп, защита их прав, в том числе и гражданских, децентрализованное управление и т. д.

Но само по себе изменение и преумножение новых пространств участия еще не отвечает на вопрос, какие механизмы или формы участия сегодня являются перспективными. Для ряда исследователей ответ

очевиден: необходимо внедрять в практику больше политических механизмов участия. Но у данной точки зрения имеются критики, утверждающие, что сама гражданско-политическая сфера сегодня претерпевает существенные изменения. Традиционные формы политического участия теряют свою актуальность, что демонстрируют и исследования. Сокращается число граждан, участвующих в выборах, растет недоверие граждан к государственным институтам и учреждениям, потребительский дискурс сохраняет свою актуальность как в системе отношений органы власти–население, так и в ряде значимых секторов гражданского общества.

Но всегда ли проблема в самих механизмах? Расширение возможностей участия предполагает трансформацию самой системы, эти возможности создающей. Рассматривая данный процесс через призму неонституционализма, исследователи считают, что сдвиг внимания к процессам участия в контексте управления привел во всем мире к государственному индуцированию институциональных реформ, которые подкрепляются обязательными нормативно-правовыми актами [9]. Таким образом, сложилась ситуация, когда органы государственной власти, казалось бы, «пригласили» население в пространства взаимодействия, но предлагаемые ими механизмы включения граждан и включения общественных агентств дали разочарывающий для общественности результат.

Не случайно сегодня все шире практикуется принципиально иная постановка проблемы общественного участия, которая включает в себя не только моделирование новых пространств и механизмов участия [2], но и изменение самой структуры власти как «мягкими», так и «жесткими»

методами. Поэтому сама концепция общественного участия сегодня предполагает необходимость стимулирования двух взаимно протекающих процессов участия и управления, которые и смогут обеспечить расширение возможностей: поиск и поддержку новых форм участия населения и поиск новых форм подотчетности, ответственности институтов власти.

Примечательно, что структура этих взаимодействий рассматривается исследователями по-разному, в зависимости от их ориентации: на стратегию политизации участия или на апгрейд социально-проектной стратегии. Первые сходятся во мнении, что в системе государство–граждане необходимо преобразование легитимности государства и формирование нового договора. Вторые, наоборот, ратуют за расширение фондов и агентств, обеспечивающих поддержку рядовых граждан в пространстве повседневности, получение истинного представления о потенциале сообщества, маргинальных группах [13, с. 6], которое должно помочь противостоять росту индивидуализма и социальной отчужденности. Социальное участие сегодня – это то, что может предложить «одиноким играющим в боулинг» индивидам новую коллективную «игру».

Но процесс развития социального участия сегодня также движется разнонаправленно. Наряду с расширением пространства неформального участия, его организованная составляющая все сильнее интегрируется с гражданским участием, усиливается и проникновение в эту сферу государства, тем самым создавая, а часто и навязывая условия легитимизации этого процесса.

Таким образом, даже предложенное выше фрагментарное выделение современных тенденций общественного уча-

ствия одной из попыток их концептуального осмысления свидетельствует о кризисе проекта участия эпохи модерна даже в ее последнем, достаточно модернизированном варианте. Вместе с тем очевидно, что проект общественного участия новой эпохи лишь формируется, его контуры просматриваются в концепциях, претендующих на программу, в новых, часто нелегитимированных и институционально неустойчивых практиках участия, в новых и в «новых старых» дискурсах. Вместе с тем существующие сегодня тенденции развития, демонстрируя качественно новые тенденции, сохраняют набор проблем, которые пришли из эпохи модерна и сохранили свою актуальность почти в «первозданном» виде. И главные из них находятся в традиционных границах взаимоотношений общества и государства, контроля и доступа к власти.

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии: Алетейя, 2005. – 288 с.
2. Вавилина Н.Д. Социальный портрет регионов Сибири // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3. – С. 92–93.
3. Осьмук А.А. Эвристический потенциал интерпретативных теорий социальной интеграции // Идеи и идеалы. – 2012. – № 3, т. 1. – С. 111–118.
4. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
5. Штолтка П. Одна социология или много? // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Т. XII. – № 4. – С. 37–48.
6. Bauman Z. New Frontiers and Universal Values. 2004. – URL: <http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/a025-new-frontiers-and-universal-values> (дата обращения: 13.04.2014).
7. Cooke B., Kothari U. (Eds). *Participation: the new tyranny?* – London: Zed Books, 2001.
8. Cornwall A. Participation in Development: Tracks and Traces // Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences. – 2002, August. – P. 4–9.
9. Gaventa J. Towards participatory governance: assessing the transformative possibilities // Hickey, S. & Mohan, G. 'Participation: From Tyranny to Transformation'. – London: Zed Books, 2004. – P. 11.
10. Kesby M. Beyond 'the new tyranny': a post-structural and spatialised understanding of empowerment through participation // Abstracts by Session Groupings, Provisional as of 05th February 2003. – URL: <http://www.sed.manchester.ac.uk/research/events/conferences/documents/Participation%20Papers/Abstracts.pdf> (дата обращения 12.10.2013).
11. Masschelein J., Quaghebeur K. Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal, and empowerment // Interchange. – 2006. – 37(4): 309–331.
12. Mohan G., Hickey S. Relocating participation within a radical politics of development: critical modernism and citizenship // Hickey S., Mohan G. eds. *Participation: From Tyranny to Transformation*. – London and New York: Zed Books, 2004.
13. Penderis Sb. Theorizing participation: from tyranny to emancipation // Journal of African and Asian Local Government Studies. – Vol. 1(3). – P. 1–28.
14. Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. – New York: Simon & Schuster, 2000.

PUBLIC PARTICIPATION: THE END OR THE CRISIS OF THE MODERNITY PROJECT?

I.A. Skalaban

Novosibirsk State Technical University

skalaban@ngs.ru

Public participation in the last decade and a half has acquired new characteristics. The purpose of the article is to find out whether they indicate a new stage in the development of public participation as a qualitatively new project outside the modern era, or a manifestation of crisis of the unfinished “participation project” of the modern era. Using the ideas of Jürgen Habermas, the author points out and characterizes the main features of the social project. The dynamics of changes in its programs, discourses and social practices is shown on the basis of the 70-90-ies period analysis which is considered to be the last Western project of public participation in the era of modernity. The article emphasizes its organic connection with the tradition of modernism. It is argued that the trends in the development of public participation in the late 90's - 00's indicate the crisis of the program as well as of the entire project of participation in the era of modernity. The article shows the attempts of Western researchers to think public participation over on the basis of the P. Bourdieu theory of social space. The author considers these attempts as the search for new approaches to design the program corresponding to new social practices. However, the article points out that the search of a new program is based almost on the same issues of power and control, government intervention, which were relevant to the project in the era of modernity.

Keywords: public participation, civic participation, social participation, social project, social space, social mobilization.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-2.2-78-87

References

1. Burd'e P. *Sociologija social'nogo prostranstva* [Bourdieu P. Sociology of the social space.]. St Petersburg.: Aletejja; Moscow: Aletejja. 2005. 288 p.
2. Vavilina N.D. *Social'nyj portret regionov Sibiri* [Social Portrait of Siberia] // Region: jekonomika i sociologija. [Region: Economics and Sociology]. 2012. № 3, pp. 92–93.
3. Os'muk L.A. *Jevristicheskej potencial interpetativnyh teorij social'noj integracii*. [Heuristic potential interpetativnyh theories of social integration.] // Idei i idealy [Ideas & Ideals]. 2012. T. 1. № 3, pp. 111–118.
4. Habermas Ju. *Modern — nezavershennyj proekt* [Modern – unfinished project] // Voprosy filosofii. [Problems of Philosophy]. 1992. № 4, pp. 40–52.
5. Shtompka P. *Odna sociologija ili mnogo?* [One sociology or a lot?] // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2009. T. XII. № 4, pp. 37–48.
6. Bauman Z. *New Frontiers and Universal Values*. 2004. URL: <http://www.publicspace.org/en/text-library/eng/a025-new-frontiers-and-universal-values> (дата обращения: 13.04.2014).
7. Cooke B., Kothari U. (Eds). *Participation: the new tyranny?* London: Zed Books, 2001.
8. Cornwall A. *Participation in Development: Tracks and Traces* // Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences. 2002. August, pp. 4–9.
9. Gaventa J. *Towards participatory governance: assessing the transformative possibilities* // Hickey, S. & Mohan, G. 'Participation: From Tyranny to Transformation'. London: Zed Books, 2004, pp. 11.
10. Kesby M. *Beyond 'the new tyranny': a poststructural and spatialised understanding of empowerment through participation* // Abstracts by Session Groupings, Provisional as of 05th February 2003. URL: <http://www.sed.manchester.ac.uk/research/events/conferences/documents/Participation%20Papers/Abstracts.pdf> (дата обращения 12.10.2013).

11. Masschelein J., Quaghebeur K. *Participation making a difference? Critical analysis of the participatory claims of change, reversal, and empowerment* // *Interchange* 2006.37(4), pp. 309–331.

12. Mohan G., Hickey S. *Relocating participation within a radical politics of development: critical modernism and citizenship* // Hickey S., Mohan G. eds. *Participation: From Tyranny to Transformation*. London and New York: Zed Books, 2004.

13. Penderis Sh. *Theorizing participation*: Putnam R. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000.